

О.Н. ЗЫРЯНОВА, М.В. ВЕККЕССЕР, Л.С. ШМУЛЬСКАЯ, В.А. ЦЫГАНКОВА

Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Лесосибирск

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ЛИРИКЕ Б. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: лирика; Б. Пастернак; искусство; вдохновение; творчество; метафора.

Аннотация: Статья посвящена исследованию воплощения темы творчества в лирике Б. Пастернака. Цель статьи – рассмотреть формально-содержательные характеристики темы творчества в лирических произведениях поэта. Использован комплекс методов: структурно-семантический, метод интерпретации, сравнительный метод. Рассматриваются стихотворения из сборников «Сестра моя – жизнь», «Поверх барьеров», «Когда разгуляется» и др. Авторы выявляют сквозные мотивы: чувство внутренней цельности, нерасторжимости жизни, ее проявлений и творческого процесса; утверждение идеи внутренней природы слова, свободной от устоявшихся шаблонов; вдохновение как душевное потрясение; независимость поэта от социума. Соединение в единый образ природы и творчества создается чаще всего посредством аллитерации и метафоры, близкой к метаболе. В представлении о назначении поэта и поэзии поэт близок к поэтическому кредо А.С. Пушкина.

С детства живший в атмосфере творчества (отец – художник, мама – пианистка), Б. Пастернак на протяжении всего своего поэтического пути задумывался о сущности искусства вообще и литературы в частности. Недаром в романе «Доктор Живаго», написанном за пять лет до ухода писателя, звучат рассуждения героя: «И мне искусство никогда не казалось предметом или стороной формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания» [5].

В автобиографической повести «Охранная грамота» (1930) Б. Пастернак пишет: «Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновение...» [4, с. 207].

Философские размышления о творческом процессе звучат в лирике разного периода. В сборнике «Сестра моя – жизнь» уже в названии стихотворений «Определение поэзии» и «Определение творчества» обозначено стремление автора дать объяснение явлениям, с трудом поддающимся универсальному описанию. Используя традиционную в таких случаях синтаксическую конструкцию с указательным местоимением «это», автор в то же время утверждает мысль о невозможности константного определения данного феномена, что обозначено в однородном перечислении разных проявлений поэзии в бытии. Первая строфа задает мотив чрезмерной наполненности, напряженности звука и тишины («круто налившийся свист», «щелканье сдавленных льдинок», «леденящая», «поединок»). Вторая, соединяя обыденное, непоэтическое, с искусством строится на метаболе, то есть образе, неделимом на прямое и переносное значение, на предмет и его подобие, на образе двоящейся и вместе с тем единой реальности: «Это – сладкий заглохший горох, / Это – слезы вселенной в лопатках, / Это – с пультов и с флейт – Figaro / Низвергается градом на грядку» [3, с. 57]. Соединительным звеном является не просто аллитерация («горох», «Figaro», «низвергается», «градом», «грядку»), а сам процесс рождения звука. Искусство, музыка сочетаются с ботаникой: созревающий горох / Figaro низвергается / звучит из раскрывшейся лопатки / флейты. «Искусство реалистично, как деятельность, и – символистично, как факт. Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело» [4, с. 43]. Соотношение мира вообще, космоса и конкретного, обыденного: «горох» / «град» – это «слезы вселенной» – отражает идею внутренней целостности, нерасчленимости жизни.

В.Н. Альфонсов и В.Б. Баевский отмечают тесную связь быта и бытия в лирике Б. Пастер-

нака, осязаемость мира и материальность самого поэтического слова: «Субъектом стихов объявлена жизнь, а поэт взят жизнью «напрокат», как орудие, средство выражения, «уст безвестных разговор» [1, с. 33]; «В своих стихах поэт всегда шел от впечатлений самой жизни, от своих непосредственных переживаний и мыслей о ней, но искусство было частью его жизни» [2, с. 30]. Так, в стихотворении «Поэзия» (1922) поэзия обозначается через пространственно-временные образы и координаты – «лето», «пригород», «Ямская», «предместье». При этом отрицаются привычные, устоявшиеся соотношения стихов с «припевом», «перепевом», «песней». Сама природа рождает поэзию: ливень «кропает» акrostих, «пуская в рифму пузыри» [3]. Последняя строчка «Тетрадь подставлена – струйся!» [3] утверждает мысль о том, что поэту стоит довериться самой природе и быть готовым принять от нее творческий дар. Подобные утверждения звучат в стихотворениях «Что почек, что клейких заплывших огарков», «Февраль. Достать чернил и плакать!».

Позже, в 1934 г. М.И. Цветаева напишет: «Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь. <...> / Невосстановимо хлещет стих» [7]. Мотив жертвенности поэта будет звучать и у Б. Пастернака: «строчки с кровью – убивают», «Не читки требуют с актера, / а полной гибели всерьез» [3] («О, знал бы я, что так бывает», 1932).

Не только природные, но далекие от поэтических урбанистические образы «участвуют» в процессе творческого озарения у Б. Пастернака («Вдохновение», 1921). Необычное метафорическое сравнение вдохновения с оглашающей ночь, несущейся на огромной скорости «фурой повестей», раскрывает мысль о творчестве как о душевном потрясении огромной мощи и силы, потрясении, которое охватывает, захватывает вдруг и не дает опомниться. Превращение фуры в карету в последней строфе отражает преображение мира для поэта, человека избранного, «замкнутого» стихом, охраняемого «временем»: «Что последний из смертных в карете / Под стихом и при нем часовой» [3]. Если в стихотворении «Определение поэзии» искусство «прорастает» на грядке, то здесь оно вырывается из самой городской действительности: ассоциации городских построек с пером, погружаляемым в чернильницу, вызывают соединение образов четвертой строфы: «Как в росистую хвойную скорбкость / Скипидарной, как утро, струи / По-

гружали постройки свой корпус / И лицо окунал конвоир» [3]. Последняя строфа, в которой звучит фраза об «истерзанных перьях», подкрепляет этот образ. Вдохновение способно соединить несоединимое, раскрыть глубинную связь, казалось бы, никак не соотносимого, «прорастить» одно в другое. Перо, как символ свободы, полета, отрыва от обыденных, земных, привычных представлений пытается вырваться из рук «рифмачей», то есть тех, кто не видит внутренней жизни слова, цепляясь только за форму.

Задача поэта – не только соединить разрозненные детали в единое целое, ведь само творчество – это процесс, когда мир сливается «в одну равнозначительную, сквозь сердце пропущенную волну» [5], но и внести стихию жизни в стихи. Рассуждая о глубинном смысле жизни и творчества («Во всем мне хочется дойти до сути», 1956), Б. Пастернак упоминает слово « страсть» как значимое для жизненности лирики. Страсть, которая,казалось бы, противостоит проникновению в суть вещей, обдумыванию их смысла, на самом деле является самой основой живого, его «сердцевиной», поэтому поэзия без нее невозможна. Последняя строфа: «Достигнутого торжества / Игра и мука – / Натянутая тетива / Тугого лука» [3] соединяет в едином образе натянутой тетивы, ассоциирующейся с натянутым нервом, струной лиры, кифары, напоминающей по форме лук, поэзию, жизнь и смерть.

Творчество как уход из реального мира, погружение в иное пространство, где возможно смыкание пространственно-временных координат разных эпох и времен звучит в стихотворении «Про эти стихи» (1917). Лирический герой, «общающийся» с Байроном, Эдгаром По, «вхожий» в Дарьял, цейхгауз и арсенал теряется в своем историческом времени: «Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?» [3]. Возвращение происходит в Рождество, что в мифopoэтическом контексте актуализирует идею существия поэта на землю, и кричит он из «фортки» детворе. В начале стихотворения возникают образы пространственного верха: потолок, чердак, карнизы.

Для понимания того, как раскрывалась тема творчества в поздней лирике Б. Пастернака, ценно стихотворение «Быть знаменитым некрасиво», в котором дается четкое определение, каким должен быть истинный поэт, раскрывается его внутреннее восприятие своей роли и сути на земле. Мысль о том, что главное – быть живым

до конца, прочитывается в контексте других, рассмотренных стихотворений как утверждение жизни, ее проявлений в самой поэзии, прорастание поэзии из самой жизни, неразрывная их связь. Только самоотдача, а не размышление о победах, поражениях и славе оставит жить поэта в пространстве и во времени: «Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов» [3]. В этом Пастернак схож с А.С. Пушкиным, который формулирует кодекс поэта в стихотворении «Из Пиндемонти».

Поэт должен быть независимым в своем служении искусству, счастливом, свободном, его не должны волновать мнение царя и общества. Единственное, кому он поклоняется, – это

само искусство.

Таким образом, рассмотрение формально-содержательных характеристик темы творчества в лирике Б. Пастернака позволяет утверждать о том, что для поэта тема осмыслиения процесса создания стихов, размышление о сущности вдохновения имеют важное значение, реализуясь на протяжении всего творческого пути.

Идея тесной, неразрывной, глубинной связи жизни и творчества, рождение одного из другого пронизывает многие стихотворения.

Поэт, в представлении Б. Пастернака, – это тот, кто способен уловить, почувствовать, принять от самой природы это гармоническое единство и воплотить его в слове.

Список литературы

1. Альфонсов, В.Н. Поэзия Бориса Пастернака / В.Н. Альфонсов. – Л. : Сов. писатель, 1990.
2. Баевский, В.Б. Темы и вариации (Об историко-культурном контексте поэзии Б. Пастернака) / В.Б. Баевский // Вопросы литературы. – 1987. – № 10. – С. 30–59.
3. Пастернак, Б. Сборник / Б. Пастернак. – Москва : Молодая гвардия, 1991.
4. Пастернак, Б. Пастернак. Об искусстве: «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Б. Пастернак. – Москва : Искусство, 1990.
5. Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – Москва : Книжная палата, 1989.
6. Пушкин, А.С. Лирика; Поэмы; Повести; Драматические произведения; Евгений Онегин : сборник / А.С. Пушкин. – Москва : Астрель : AST, 2003.
7. Цветаева, М.И. Стихотворения. Поэмы / М.И. Цветаева. – Москва : Дрофа : Вече, 2003.

References

1. Alfonsov, V.N. Poeziiia Borisa Pasternaka / V.N. Alfonsov. – L. : Sov. pisatel, 1990.
2. Baevskii, V.B. Temy i variacii (Ob istoriko-kulturnom kontekste poezii B. Pasternaka) / V.B. Baevskii // Voprosy literatury. – 1987. – № 10. – S. 30–59.
3. Pasternak, B. Sbornik / B. Pasternak. – Moskva : Molodaia gvardiia, 1991.
4. Pasternak, B. Pasternak. Ob iskusstve: «Okhrannaya gramota» i zametki o khudozhestvennom tvorchestve / B. Pasternak. – Moskva : Iskusstvo, 1990.
5. Pasternak, B. Doktor Zhivago / B. Pasternak. – Moskva : Knizhnaia palata, 1989.
6. Pushkin, A.S. Lirika; Poemy; Povesti; Dramaticheskie proizvedeniia; Evgenii Onegin : sbornik / A.S. Pushkin. – Moskva : Astrel : AST, 2003.
7. Tsvetaeva, M.I. Stikhotvoreniiia. Poemy / M.I. Tsvetaeva. – Moskva : Drofa : Veche, 2003.

О.Н. Зырянова, М.В. Веккессер, Л.С. Шмульская, В.А. Цыганкова, 2025